

ВОСПЕВШИЙ ЧЕЛОВЕКА ТРУДА

К 100-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Ф. В. ГЛАДКОВА

Первый советский роман о рабочем классе — «Цемент» Федора Васильевича Гладкова имел широкий отклик. Горький 25 августа 1925 года написал Гладкову из Сорренто: «Это очень значительная, очень хорошая книга. В ней впервые за время революции крепко взята и ярко освещена наиболее значительная тема современности — труд. До Вас этой темы никто еще не коснулся с такой силой. И так умно. Вам — на мой взгляд... весьма удалась и характеры».

Фурманов ознакомился с «Цементом» в рукописи: «Роман сделан превосходно. Типы Глеба и Даши незабываемы... Надо печатать».

Глеб и Даша Чумаловы остаются в строю как живые участники героического труда народа после гражданской войны.

«Цемент» давно стал известен за рубежом как произведение, воспитывающее человека в новом, коммунистическом духе. Об этом говорили Ромен Роллан, Луи Арагон, Георгий Димитров. И закономерно, что роман вызывал ненависть реакции. «Цемент» был публично сожжен в Италии в 1928 году, предан огню в Берлине в 1933-м. Заново прочитан и высоко оценен роман в странах социализма. Сейчас в США и ФРГ он подвергается нападкам.

При всей популярности, автор «Цемент» оставался скромным человеком, доступным и простым в общении. Откликнулся он и на мою просьбу встретиться для беседы о работе над романом «Энергия» с начинающими авторами издательства ВЦСПС. Беседа состоялась и потом была издана в виде брошюры в серии «Мой творческий опыт — рабочему автору» в «Профиздате». Федор Васильевич в ту пору был всецело поглощен тем, что происходило на Днепрострое. Его рабочая комната была завалена планами, проектами, чертежами, специальной литературой о гидроэлектростанциях. Над столом писателя висела фотопанорама стройки на Днепре, где он начал бывать с самого начала работ. «Прожил я здесь больше двух недель, совал нос всюду и вынес очень много впечатлений», — сообщал он в письме 15 июня 1927 года. Очерки «Письма с Днепра» появлялись на страницах «Известий». Федор Васильевич стал своим человеком на Днепрострое, получил постоянный пропуск на строительство.

Бывал он и на других стройках первой пятилетки — на Свирьстрое и Волховстрое, ездил в Магнитогорск, в Ростов-на-Дону на Сельмашстрой.

Одновременно Гладков редактировал журнал «Новый мир» и альманах «Земля и фабрика», активно участвовал в организации Союза советских писателей. Появлялись его новые повести и рассказы. Работа над «Энергией» шла отрывками. Писатель не мог отделиться от нее, так, как это было при написании «Цемент», подготовительной работой к которому явилось восстановление цементных заводов Новороссийска, где он жил в двадцатые годы, состоял в партияке цементного завода «Пролетарий».

Первая книга «Энергии» вышла в 1933 году с посвящением: «Максиму Горькому — художнику, человеку». А тот, кому был посвящен роман, сурово подошел к его оценке. «Всюду заметно, что писалась книга торопливо, фигуры и отношения их не разработаны. И очень много натуралистической грубости в диалогах...», — писал автору Горький. Федор Васильевич, восприняв замечания любимого писателя, много сил отдал совершенствованию произведения. Теперь «Энергия» была оценена положительно. В «Правде» 11 июля 1933 года роман назван «большим событием в советской литературе».

Оставаясь верным излюбленной теме труда, писателю не как узко «производственный роман», а как широкое полотно трудовой деятельности советского человека в новых, социалистических условиях, Гладков в годы Великой Отечественной войны обратился к деятельности уральских заводов. Коррес-

пондент «Известий» в Свердловске, он пишет о здешних и эвакуированных предприятиях, работающих на оборону, о единстве фронта и тыла. Появляется повесть «Клятва». «Лучшие страницы повести отданы прославлению труда как творчества», — отмечала критика.

«Цемент» — «Энергия» — «Клятва» — своеобразная трилогия, в которой запечатлен путь рабочего класса Советской страны, становление личности человека труда в новых условиях. Гладков, пионер этой темы, явил пример глубокой проблемной разработки ее, видел перед собой в первую очередь человека.

Автобиографическая трилогия Гладкова — «Повесть о детстве», «Вольница» и «Лихая година» — привлекла мое внимание как литературоведа, и в 50-е годы я снова оказалась в скромно обставленной квартире Гладковых в Лаврушинском переулке, напротив Третьяковки. Перед мной был уже очень пожилым человек. Лицо в глубоких морщинах, совершенно белые волосы не походили на ту кудрявую шевелюру, о которой вспоминали все знавшие Федора Васильевича смолodu. Но глаза оставались по-прежнему живыми и пронзительными. Он остро реагировал на происходящее в стране. Его беспокоило тяжелое положение в колхозах, в том числе в родной деревне Чернавке Пензенской области. Он помогал тамашней сельской школе и библиотеке, посылал книги, учебники, письменные принадлежности, наглядные пособия. Заинтересованно расспрашивал он меня об Узбекистане.

Федор Васильевич все принимал близко к сердцу, говорил горячо, едва переводя дыхание и закашливаясь — мучила астма. Но он оставался таким же непримиримым и прямым. И со мной он щедро делился своими мыслями. «Я ни в коем случае не против тенденций в художественном творчестве, но не терплю тенденциозности, — заявлял он. — Я партиец в литературе, но отвергаю прокламацию в искусстве». Писатель отстаивал право художника на обогащение языка метким народным словом. В автобиографических повестях Гладков практически доказал это. Язык их отличается от языка «Цемент» и «Энергии». «Время умирать пришло, а я только по-настоящему сейчас писать-то научился», — горько шутил он.

В автобиографических повестях перед читателем не только трудолюбивая семья Феди (особенно удался образ матери, нежной и трепетной Насти), а и могучие фигуры хлебопашцев, народных умельцев-мастеров, волжских рыбаков, работников рыбных промыслов. Расширяя рамки повествования, Гладков показывает социальные явления того времени.

Последнее полученное мной письмо Федора Васильевича с пометкой «Москва, 15-X-58. Загородная больница» удивительно задушевное, подробное. Он отвечал на многие мои вопросы, уточнял, дополнял. Вернул рукопись моей книги «Горький и Гладков» со своими пометками и написал: «Вы, как ученая, вольны изучать материал и делать нужные выводы. Работу свою Вы провели честно и любовно... Без этого пристрастия ученый — бездушный регистратор».

Гладков не терпел фальши и криводушия. Легко ранимый, он тяжело воспринимал необъективную, зашательскую критику, но прислушивался к справедливым замечаниям, делал выводы. Он не преувеличивал значения своего творчества, ему свойственно было скорее сомнение, чем самолюбие. Но он умел отстаивать то, что считал важным, принципиальным для советской литературы, и в собственном творчестве.

Л. УЛЬРИХ.

Кандидат филологических наук.